

Задача о прозе Чехова

Н.В. Лялько

Автор: Лялько Н.В., учитель русского языка и литературы Образовательного центра «Гармония» г. Владивостока.

Предмет: Литература.

Класс: 10.

Тема: Жанровое своеобразие прозы Чехова.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Писателя возводит в высший разряд большая книга. Исключений практически нет. И, тем не менее, новеллист, рассказчик Чехов так и не написал ни одного романа. Однако он оказался в одном ряду с крупнейшими романистами 19 века: Толстым, Достоевским, Тургеневым. В чём феномен творчества Чехова? Думал ли сам Чехов о создании романа? Почему некоторые его рассказы называют микророманами?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с культурным образцом.

Возможные информационные источники

Книги:

Бондарев Ю. «Романы» Чехова. М.: Молодая гвардия, 1973.

Web-сайты:

<http://chegov.niv.ru/chegov/public/public.htm>

<http://www.antonchegov.org.ru/>

Культурный образец

Вайль П., Генис А. Родная речь. М.: Колибри, 2008.

Чехов столь прочно занимает место в самом высшем ряду русских прозаиков, что забывается его существенное отличие от остальных. Все наши великие мастера прозы оставили толстые романы, которые являются репрезентативными, ставшими со временем синонимами самих имён классиков. Все, но не Чехов.

Написавший за свою короткую жизнь очень много, Чехов тем не менее романа не создал.

Писательскую эволюцию Чехова можно считать образцовой. Чехов уверенно рос от осколочных рассказов, которые позже сам пригоршнями

отбрасывал, комплектуя собрание сочинений, к таким поздним общепринятым шедеврам, как «Архиерей» и «Вишнёвый сад»...

Кризис неосуществлённой романной идеи обострился к 1888–1889 годам. Упоминаниями о работе над романом пестрят письма того времени — к брату Александру, Суворину, Плещееву, Григоровичу, Евреиновой. Излагается содержание, приводится подробный план, описываются персонажи, называется количество строк. Но роман не вышел: всё, что осталось от замысла, — два отрывка объёмом в десять страниц. Однако дело даже не в самих попытках, а в мощном комплексе неполноценности, который владел Чеховым. Свидетельства зафиксированы в переписке: «Пока не решусь на серьёзный шаг, то есть не напишу романа...», «У меня в голове томятся сюжеты для пяти повестей и двух романов... Всё, что я писал до сих пор, ерунда в сравнении с тем, что я хотел бы написать...» Здесь отчётливо сознание иерархии, в которой рассказчик несомненно ниже романиста.

Этот профессиональный комплекс неразрывно связан с этическим — с проклятием, сопровождавшим Чехова всю жизнь: обвинениями в равнодушии и безыдейности. Упрёки в безразличии Чехов выслушивал и от самых близких. Но главное: то же твердила критика. Как выразился Михайловский, «что попадает на глаза, то он изобразит с одинаково холодной кровью». И до Михайловского подобное на все лады повторяли журналы.

От Чехова требовали общественной идеи, тенденции, позиции. Он же хотел быть только художником. Толс-

той, хваля его рассказы, говорил, что у него каждая деталь «либо нужна, либо прекрасна», но у самого Чехова нужное и прекрасное не разделено, между ними — тождество.

Должно было пройти десять лет после смерти Чехова, должен был появиться столь самостоятельный ум, как Маяковский, чтобы бесшабашно сказать: «...Не идея рождает слово, а слово рождает идею. И у Чехова вы не найдёте ни одного легкомысленного рассказа, появление которого оправдывается только «нужной» идеей».

Отбиться от обвинений в безыдейности литератор Чехов мог лишь литературным путём — создав нечто серьёзное и основательное, опровергнув расхожее мнение о бездумном и насмешливом фиксаторе окружающего. Вопрос о романе стоял с жизненной остротой.

Все три обстоятельства — тяга к роману как высшей форме литературной деятельности, необходимость изменения своего общественного лица, боязнь не успеть сделать главное — привели к созданию переломного произведения Чехова, рассказа «Скучная история».

...Герой и автор испытывают эсхатологическое отчаяние: рушится и ускользает всё, что составляло смысл бытия.

«Скучная история» как бы суммировала разнообразные чувства и ощущения, связанные с провалом романной затеи, которая была призвана ответить — но не ответила — на множество вопросов, поставленных перед собой Чеховым. Сахалин стал попыткой выхода из тупиковой ситуации.

Сахалин — главный поступок Чехова. И трагедия заключается в том,

что эта героическая поездка ничего не изменила в его творческой жизни...

В ближайшие несколько лет тема романа появляется в чеховской переписке и разговорах (судя по мемуарам) многократно, чтобы не сказать — навязчиво, причём самым причудливым образом.

Гениальность Чехова-рассказчика так явна и общепризнанна, что кажется ненужным и нелепым обсуждать проблему отсутствия романа в его творчестве. Однако сам он столь безусловно признавал иерархическое превосходство большой вещи, что на чеховские прозаические сочинения можно взглянуть в несколько иной перспективе.

Роман так и не был написан, но проблема романа всё-таки преодолена.

У зрелого Чехова выделяются два типа рассказов, которые можно назвать собственно рассказами и микророманами. Различие тут обусловлено отнюдь не объёмом, и лучшие образцы микророманов даны не в самых больших вещах, а в тех, где наиболее явственное сгущение повествовательной массы превращает рассказ в некий комpendиум, наподобие тех, в которых для нерадивых американских школьников пересказывается классика. Такие рассказы Чехова — нечто вроде сжатых пересказов его же ненаписанных романов.

Это условное разделение ни в коем случае не предусматривает качественной оценки. Тут показательны два последних равно блистательных образца чеховской прозы — «Архиерей» и «Невеста». Первый является несомненным рассказом, а второй

может быть отнесен именно к микророманам.

Деление, стоит повторить, весьма условно и вызвано внутренними особенностями сочинений. В микроромане — разомкнутость повествования, принципиальная незавершённость идеи, открытость финала («Романист тяготеет ко всему, что ещё не готово». — М. Бахтин), многозначность и заданная неопределённость главного героя (снова Бахтин: «Одной из основных внутренних тем романа является именно тема неадекватности герою его судьбы и его положения. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности»). В «чистом» чеховском рассказе — новеллическая замкнутость, исчерпанность эпизода, неизменяемость центрального персонажа.

В поздней прозе Чехова эти два параллельных ряда можно проследить с достаточной чёткостью: рассказы — «Случай из практики», «По делам службы», «На святках», «Архиерей»; микророманы — «Крыжовник», «О любви», «Душечка», «Дама с собачкой», «Невеста» и, может быть, самый показательный из всех — «Ионыч».

Хрестоматийный, зачитанный до дыр со школьной скамьи «Ионыч» прочитывается в качестве микроромана по-иному, по-новому. Чехов сумел без потерь сгустить грандиозный объём всей человеческой жизни, во всей её трагикомической полноте, на 18 страницах текста, что в 10 раз меньше, чем та первая попытка большой формы, с которой он начинал, — «Безотцовщина».

Парадоксальным, но бесспорным образом за двадцать лет большая форма увеличилась за счёт уменьше-

ния. Как в бреду сумасшедшего, внутри шара оказался другой шар, значительно больше наружного. Причиной тому — виртуозная техника прозаика Чехова.

На идею романа работают и эпическое начало — «Когда в губернском городе С...», и общая неторопливость тона, заставляющая настраиваться так, будто впереди не восемнадцать, а сотни страниц, и резонёрские нравоучительные вставки — разъяснение после показа, — которые можно позволить себе лишь на широком романном пространстве и на которые Чехов с неслучайной щедростью тратит слова. Мастерски использованы мелкие приёмы, удлиняющие повествование, — например, на трёх страницах четырежды упоминается, что между эпизодами прошло четыре года, и обилие повторов едва ли не перемножает в сознании эти четвёрки, разворачивая долгое временное полотно.

Полторы драгоценных страницы размашисто израсходованы на эпилог — не нужный для сюжета и развития характера: всё уже закончилось на финальной по сути фразе «И больше уж он никогда не бывал у Туркиных». Но эпилог — к тому же данный в отличие от всего остального текста не в прошедшем, а в настоящем времени — тоже удлиняет повествование, приближая его к романной форме, и потому нужен. (Хоть и неудачен, как впрочем неудачны все литературные эпилоги, возможно это заложено изначально: эпилог означает «после слова», а что может быть после слова вообще?)

Всё это вместе взятое изобличает в «Ионыче» именно роман, во всяком случае — романский замысел. Тот

замысел, который присутствует у Чехова на протяжении всей его зрелой прозы.

Если использовать бахтинскую формулу «человек или больше своей судьбы или меньше своей человечности», то можно сказать, что у Чехова в качестве вечной, почти навязчивой идеи — всегда лишь вторая часть антитезы. Его герои неизменно — и неизбежно — недорастают до самих себя. Само слово «герои» применимо к ним лишь как литературоведческий термин. Это не просто «маленькие люди», хлынувшие в русскую словесность задолго до Чехова. Макар Девушкин раздираем шекспировскими страстями, Акакий Башмачкин возносит шинель до космического символа. У доктора Старцева нет ни страстей, ни символов, поскольку он не опознал их в себе. Инерция его жизни не знает противоречий и противодействий, потому что она естественна и укоренена в глубинном самонеосознании. По сравнению со Старцевым Обломов — титан воли, и никому не пришло бы в голову назвать его Ильичом, как того Ионычем.

Человек Чехова — несвершившийся человек. Конечно, это романная тема. По-романному она и решена. Поразительно, но в коротком «Ионыче» нашлось место даже для почти обязательной принадлежности романа — вставной новеллы. Доктор Старцев на ночном кладбище в ожидании несостоявшегося свидания — это как бы «Скучная история», сжатая до нескольких абзацев.

И как Дмитрий Ионович Старцев переживает за несколько минут своё прошлое и будущее, так и в самом «Ионыче», великолепном образце изобретённого Чеховым мик-

роромана, прочитывается и проживается так и не написанный им «настоящий» роман на его главную тему — о несчастлившейся жизни.

Методический комментарий

Задача может быть предложена как в начале изучения творчества Чехова (тогда акцент может быть сделан на жанровые особенности прозы), так и на завершающем этапе (здесь уместнее говорить о феномене творчества писателя). Жанровое своеобразие прозы Чехова, традиции и новаторс-

тво, социально-исторический контекст творчества писателя — это те проблемы, которые могут быть в центре внимания во время решения задачи. Культурный образец интересен и как литературоведческий текст, поэтому рекомендуется, используя приём драмогерменевтики, «поблуждать» по тексту, выискивая «странности»: например, «человек Чехова — несвершившийся человек»..., главная тема — «о несчастлившейся жизни»; осмыслить эти странности в группах, обсудить варианты интерпретаций текста.